

Рогожинский А.Е. ^а, Калдыбаева Г.А.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК, г. Алматы, Казахстан

ПО СЛЕДАМ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ (О ПЕРВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ В СЕМИРЕЧЬЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.)

Рогожинский Алексей Евгеньевич, Калдыбаева Гаухар Аскарровна

По следам первопроходцев (о первых археологических открытиях в Семиречье в XIX – начале XX в.)

Аннотация. В статье излагается история открытия и изучения двух монументальных памятников тибетского буддизма XVII–XVIII вв., исследование которых началось еще в XIX в., но продолжается в наши дни. «Текелийская стела» (камень Келиншектас) с выбитыми на ней изображениями и надписями датируется концом XVII в. и входит в число наиболее ранних культовых памятников, возникших в Семиречье в период существования Джунгарского государства. «Кегенский арасан» – целебный минеральный источник, первоначально также служивший местом культового поклонения ойратов-буддистов в конце XVII – середине XIX в., позже приобрел значение сакрального места в культуре казахов. Начало научного изучения обоих памятников связано с именем известного востоковеда и археолога-любителя Н.Н. Пантусова (1847–1909).

Ключевые слова: Семиречье, Н.Н. Пантусов, тибетский буддизм, эпиграфика, арасан, краеведческий туризм.

Рогожинский Алексей Евгеньевич, Калдыбаева Гаухар Аскарровна

Алғаш жүріп өтушілердің ізімен (XIX – XX ғғ. басындағы Жетісудағы алғашқы археологиялық ашылымдар туралы)

Аңдатпа. Мақалада зерттеу жұмыстары XIX ғасырда басталып, бүгінге дейін жалғасып келе жатқан, XVII–XVIII ғғ. тибеттік буддизмнің екі монументальды ескерткішінің ашылу және зерттелу тарихы қарастырылады. Бетінде нақышталған бейнелері мен жазулары бар «Текелісай стеласы» (Келиншектас тасы) XVII ғасырдың соңымен мерзімделетін, Жоңғар мемлекетінің өмір сүру кезеңінде Жетісуда пайда болған ең алғашқы діни ескерткіштердің бірі. «Кеген арасаны» – емдік минералды бұлақ, XVII ғасырдың аяғы мен XIX ғасырдың ортасында ойрат-буддистердің табыну орны болған, кейін қазақ халқының мәдениетіндегі киелі орынның маңызына ие болды. Екі ескерткіштің де ғылыми зерттелуінің басталуы белгілі шығыстанушы және әуесқой археолог Н.Н. Пантусовтың (1847–1909) есімімен байланысты.

Түйін сөздер: Жетісу, Н.Н. Пантусов, тибеттік буддизм, эпиграфика, арасан, өлкетанулық туризм.

Rogozhinsky Alexey Evgenievich, Kaldybayeva Gaukhar Askarovna

In the footsteps of the pioneers (on the first archaeological discoveries in Semirechye in the 19th - early 20th centuries)

Abstract. The article describes the history of the discovery and study of two monumental sites of Tibetan Buddhism of the 17th–18th centuries, the study of which began in the 19th century, but continues today. The “Tekeli stele” (Kelinshektas stone) with images and inscriptions engraved on it dates back to the end of the 17th century is one of the earliest cult monuments that appeared in the Semirechye during the existence of the Dzungar state. “Kegensky Arasan” is a healing mineral spring, which originally also served as a place of worship for Oirats-Buddhists in the late 17th – mid-19th centuries, later acquired the significance of a sacred place in the culture of the Kazakhs. The beginning of the scientific study of both sites is associated with the name of the famous orientalist and amateur archaeologist N.N. Pantusov (1847–1909).

Key words: Semirechye, N.N. Pantusov, Tibetan Buddhism, epigraphy, arasan, local history tourism.

Введение. Даже самому опытному гида, ведущему за собой по краеведческому маршруту группу любознательных туристов, бывает нелегко сохранить до конца экскурсии глубокое внимание своих слушателей и поддержать в них дух сопричастности к научному поиску и открытиям. Однако именно такие эмоционально-познавательные экскурсии, в которых гид выступает не в роли всезнающего «гуру», а как идущий впереди «сталкер», которому известен лишь правильный путь к сокровенному месту, являются шедеврами мастерства краеведческого туризма и, как правило, находят наилучший отклик благодарных спутников экзотических путешествий. При этом, разумеется, широкая эрудиция «сталкера» – главное условие успеха опытного гида, а приглашение к соучастию в поисковой игре – лучший дидактический прием вовлечения дилетанта-путешественника в живой процесс познания исторического прошлого.

Методы и организация исследования. Безусловно ошибочной тактикой презентации недвижимых памятников археологии является обезличивание их происхождения, истории открытия и изучения, о чем сигнализируют такие фразы-клише гидов, как «древние люди создали», «ученые нашли / открыли», «некоторые ученые считают так, но другие думают иначе» и т.п. Связное повествование о том, как и когда

состоялось открытие выдающегося памятника, какие гипотезы первых исследователей опровергались или находили подтверждение в ходе дальнейшего его изучения, и, конечно, рассказ о самих первопроходцах неизведанных троп к древней истории края – все это будет уместным в живой речи гида и сделает презентацию памятника запоминающейся. Наконец, ознакомление любознательной публики с многообразным археологическим наследием не достигнет полноты трехмерного, объемного представления, если останутся без комментариев важные этнографические детали, историческая топонимика, география и сама история региона. Достоверность научных сведений и объективность оценок, вплетенные в цельное повествование эрудированного гида, помогут обрести доверие слушателей и сохранить их внимание от начала до конца краеведческого путешествия.

Ниже мы представляем два исторических этюда, посвященные известным и уже включенным в туристический оборот памятникам археологии Семиречья, изучение которых началось еще в XIX веке, но продолжается сегодня и пока не завершено. Надеемся, публикуемые материалы будут полезны при разработке краеведческих туров и помогут их организаторам сделать презентацию памятников интересной и содержательной.

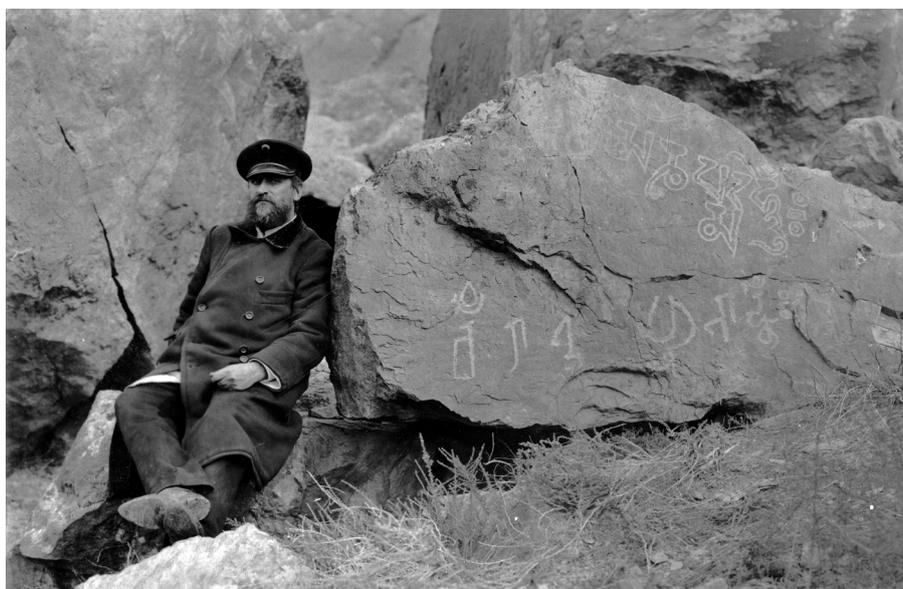

Рисунок 1 – Н.Н. Пантусов в Тамгалытас, 1897 г.

Главным действующим лицом в наших рассказах выступает Николай Николаевич Пантусов

(1849–1909) – уроженец г. Николаев Херсонской губернии, с отличием закончивший

Санкт-Петербургский университет, но предпочтительней карьере кабинетного ученого службу в администрации Туркестанского генерал-губернаторства, востоковед по образованию, археолог-любитель по призванию, организатор первых планомерных археологических изысканий в Семиречье, а также действительный статский советник, чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области, инициатор важных административных мероприятий по охране памятников старины, сбору археологических коллекций и созданию здесь первого краеведческого музея, преемником которого сегодня выступает Центральный государственный музей Казахстана в Алматы (Рисунок 1). О трудах этого замечательного человека написано немало, но все еще нет полноценного историко-биографического жизнеописания, которое бы раскрывало яркие индивидуальные черты личности Н.Н. Пантусова, все грани его научно-просветительской деятельности и значение организаторской миссии в деле изучения и сохранения древностей Семиреченского края.

Результаты исследования и обсуждение.

Текелійская стела (Келиншектас). Первое научное обследование этого уникального памятника состоялось в 1898 г. и связано с именем Н.Н. Пантусова. Прослужив в Семиречье более четверти века и занимая к тому моменту важный пост в администрации области, Николай Николаевич много лет активно сотрудничал с Императорской Археологической комиссией, совмещая свою служебную деятельность с научными занятиями. Основательная археологическая разведка в северной части Семиреченской области, от берегов Или до Сергиополя (совр. г. Аягоз), была задумана Н.Н. Пантусовым еще в 1896 г. Он очень тщательно к ней готовился, собирал сведения об известных памятниках Копальского и Сергиопольского уездов, продумывал маршрут экспедиции и даже выписал из Петербурга походный фотографический аппарат. Уже имея немалый опыт копирования на бумагу эпиграфических текстов и изображений с несторианских средневековых надгробий, найденных в середине 1880-х гг. в Чуйской долине, и оценив несовершенство этой методики документирования, Николай Николаевич пришел к убеждению, что «при исследованиях надписей и других предметов древности немалая доля труда должна выпасть на фотографические работы, которыми только и возможно воспроизвести точно надписи на камнях и скалах, изображения камнеписные и прочее». Как пионер археологии Семиречья,

именно Н.Н. Пантусов впервые применил для документирования наскальных рисунков и надписей фотоаппарат – новинку техники позапрошлого столетия. Однако запланированная исследователем большая экспедиция тогда не состоялась: служебные обстоятельства внесли свои коррективы, и реализация научных планов растянулась на два года.

«Весной 1897 года, – писал Н.Н. Пантусов в Петербург председателю Археологической комиссии в декабре 1896 г., – мне весьма желательно отправиться в Копальский уезд, обследовать там памятники древности, снять их фотографически, собрать о них легенды и тому подобное. Экскурсию эту я желаю совершить на свои средства. Докладывая об этом Комиссии, почтительнейше испрашиваю разрешения ее на это дело, а равно прошу усердно испросить у г-на степного генерал-губернатора разрешения о командировании меня для означенной цели месяца на три в Копальский уезд, где я наметил уже до 27-ми интересных в археологическом отношении пунктов». Но даже получив согласие начальства и разрешение Комиссии на проведение археологических исследований (Открытый лист), а также аванс в 300 рублей, – «из них 100 рублей на случайное приобретение древностей и 200 рублей на расходы по поездке моей в Копальском уезде, для археологических изысканий», – Н.Н. Пантусов смог отправиться в путь только осенью 1897 г. «Предполагал было я поехать в сем году на все лето в Копальский уезд для археологических исследований; но это не удалось – меня призвали исправлять должность семиреченского вице-губернатора, и все лето я безотлучно пробыл в Верном» [Научный архив ИИМК РАН. Рукописный архив. Ф. 1. Оп. 1. 1896. № 230. Л. 20 и об.]. Только в конце сентября сумел он выехать в Илийский Капчагай, где с несколькими помощниками детально обследовал и сфотографировал камни с надписями и изображениями Тамгалытас. Тогда же Николай Николаевич посетил ущелье Тайгак в горах Чулак и отснял многие тибетские надписи. Еще одну короткую поездку он совершил в начале октября по левобережью Или, обследовав окрестности Куртинского Капчагая (каньон р. Курты, притока Или) и урочище Жалпактас на юго-восточной окраине Чу-Илийских гор и собрав сведения о достопримечательностях в горах Утеген и Серектас.

Только летом 1898 г. Н.Н. Пантусов смог отправиться из Верного в свое большое археологическое путешествие. Первым значительным памятником на маршруте исследователя оказал-

ся «камень Келинчектас» (каз. келін – невестка, сноха), к которому он проехал по колесной дороге от Карабулакского выселка (ныне с. Карабулак) до слияния в единый поток Каратала его главных притоков – Кора, Текели и Чажы. Монумент Келиншектас и сегодня можно видеть на северо-восточной окраине г. Текели, на правом берегу р. Кора, в устье ущелья; среди старожитов рабочего городка бытует современное народное наименование памятника – «Принцесса».

Обследовав монумент на месте, Н.Н. Пантусов дал краткое, но довольно точное его описание: «Камень этот серого гранита, в виде пирамиды, высотой около 5 аршин (действительно, высота глыбы составляет 3,6 м, основание 3,0 × 4,2 м – авт.). С передней стороны, обращенной к реке, изображены бурхан (Келинчек) с башней и драконом»; «на верху этого камня-памятника находится горизонтальная надпись»; «Келинчектас (камень-молодуха) – назван так, вероятно, по изображению бурхана на сем памятнике, похожего на киргизскую молодуху»; «памятник этот, очевидно, монгольского происхождения. Собрать о нем какие-либо легенды не удалось, ибо киргизы ровно ничего не знают». Говоря о «монгольском происхождении» памятника, об изображении на нем бурхана (в монгольской традиции – изображение Будды или другого персонажа буддизма), исследователь подразумевал его принадлежность к культуре западных монголов (ойратов), исповедовавших тибетский буддизм и занимавших земли Юго-Восточного Казахстана в середине XVII – первой половине XVIII в. По-видимому, как годом раньше в Тамгалытас на р. Или, Н.Н. Пантусов надеялся найти в долине Кору памятник средневекового буддизма с эпиграфикой исторического содержания, но обследование Келиншектас убедило в относительно поздней датировке монумента. Для археолога-любителя конца XIX века памятники столь молодого возраста, содержавшие к тому же исключительно религиозные тексты, представлялись безынтересными: «Насколько нам здесь кажется, научного значения они не имеют... Впрочем, кто знает: в глазах ученого, может быть, и эти надписи будут ценны», – так Н.Н. Пантусов, не скрывая разочарования, оценивал итоги изучения Тамгалытас [Научный архив ИИМК РАН. Рукописный архив. Ф. 1. Оп. 1. 1896. № 230. Л. 29-32 и об.].

В короткой заметке Н.Н. Пантусова о Келиншектас, изданной в «Протоколах» Туркестанского кружка любителей археологии в конце 1899 г., есть важные пояснения о состоянии монумента:

«Памятник этот стоит на ровном месте; он сохранился хорошо и следов каких-либо разрушений не заметно. Явственны лишь около Келинчек-таса подкопы: рылись там киргизы и хотели удалить камень с места, но не могли этого сделать. Следы подкопов видны. Киргизы рассказывают, что искали кладов, среди коих известен киргиз Верхнекаратальской волости Алпысбай Айдаров, нашли у Келинчек-таса браслет; куда девался этот браслет, я не мог доискаться». Грабительская яма глубиной до 1 м сегодня видна в центре платформы с лицевой стороны монумента. Надо заметить, это был не единичный пример кладоискательства, широкой волной захлестнувшего Семиреченскую область в конце XIX в.

Наиболее массовый характер незаконные поиски сокровищ приобрели в западных волостях Верненского и Пишпекского уездов, где грабительские раскопки местным населением курганов и древнетюркских мемориалов с каменными статуями приняли особенно широкий размах и организованную форму. Только в Чу-Илийских горах разграблению подверглись около 800 курганов! По данным специального расследования, проведенного в 1891–1892 гг. по инициативе Н.Н. Пантусова администрацией Семиреченской области, в мобилизации соплеменников на поиск ценных вещей в древних курганах главную роль сыграли волостные управители и отдельные бии; все они были отстранены от должностей, а более 50 человек привлечены к уголовной ответственности и наказаны крупными штрафами. В ходе следствия у виновных изъяты «несколько золотых и серебряных чашек, серег, колец, пуговиц, поясных украшений, браслетов, орнаментированных пластинок, пряжек и обломков от разных вещей, бронзовые запястья, зеркала, кольца, уздечные принадлежности, глиняный кувшин, костяное изображение птички, разные железные изделия, как-то: кольчуга, наконечники копий, стремена, пробои, несколько кусочков сердолика, топаза, нефрита, янтаря, жемчужин и серебряная джагатайская монета». Конфискованные археологические предметы в «3-х тючках» были переданы на хранение в Эрмитаж и Исторический музей [1, с. 94-95, 168-169]. Несомненно, предпринятые в ту пору Н.Н. Пантусовым и областной администрацией меры по сохранению археологических памятников спасли многие из них от разрушения и гибели, однако полностью искоренить практику массовых грабительских раскопок удалось только в советское время.

«На верху этого камня-памятника находится горизонтальная надпись, – пишет далее Н.Н.

Пантусов. – Снять фотографически эту надпись нельзя было, ибо невозможно было приспособить фотографический аппарат и притом было уже совсем поздно, когда мы приехали к нему, солнце закатывалось, а располагаться на ночлег нельзя было, за неимением в окрестностях юрт. Надпись эту возможно снять только на полотно. Это, говорят, и сделал г. Мунк в 1897 году, когда он посетил этот камень». По-видимому, речь здесь идет о бароне Карле Мунке, участнике экспедиции «Финно-угорского общества» под руководством Г.И. Гейкеля, которая проводила летом 1898 г. раскопки в Таласской долине в связи с первыми открытиями надписей, выполненных древнетюркским руническим (таласским) письмом [2, с. 123–126; 3, с. 8–10]. Известно, что К. Мунк по завершении раскопок на Таласе продолжил путешествие через г. Верный в китайский Турфан [4, с. 2], во время которого финский исследователь мог попутно осмотреть монумент

в верховье Каратала. Возможно, указанная в заметке Н.Н. Пантусова дата обследования памятника К. Мунком является опечаткой.

В научном архиве ИИМК РАН (Санкт-Петербург) хранится отпечаток фотографии Келиншектас [Научный архив ИИМК РАН. Д. 56. 1899 г. Q439.3], сделанной Н.Н. Пантусовым 18 июня 1898 г. при посещении памятника: «Фотографический снимок сделан с этого камня вечером, при закате солнца, а потому вышел не совсем отчетливо; на памятнике стоит киргиз кызай Кунбулат Кунбулатов» (Рисунок 2). Фото-снимок монумента, публикуемый здесь впервые, позволяет полнее представить состояние памятника на момент открытия. Впрочем, научное изучение Келиншектас, успешно начатое Н.Н. Пантусовым, осталось не завершенным, поскольку не были раскрыты ни содержание вырезанных на камне символических изображений и надписей, ни назначение самого монумента.

Рисунок 2 – Камень Келиншектас: слева – фото Н.Н. Пантусова, 1898 г.; справа – фото А.Е. Рогожинского, 2008 г.

Следующая попытка изучения памятника и дешифровки нанесенных на его грани текстов состоялась почти тридцать лет спустя и связана с именем известного казахского общественного деятеля, историка, инженера путей сообщений Мухамеджана Тынышпаева (1879–1937). Об этом известно из статьи советского востоковеда М.Е. Массона, посвященной истории открытия древнетюркских рунических надписей Средней Азии. «В 1927 году М. Тынышпаев осмотрел в Талдыкурганском уезде, около соединения рек Кобы и Каратала, нацарапанное на камне изображение фантастического животного, под которым имелись следы двух строк полустертых надпи-

сей, причем ему казалось, что начертанием своим знаки напоминают буквы древнетурецкого рунического алфавита» [3, с. 11]. М. Тынышпаев выполнил схематичную зарисовку изображений на камне, в которых угадываются рельефные рисунки, выбитые на вертикальной и наклонной гранях Келиншектас (Рисунок 3), хотя название памятника М.Е. Массоном не упоминается. По-видимому, М. Тынышпаев тоже не подозревал, что монумент уже известен в науке как памятник тибетского буддизма XVII–XVIII вв. «Рисунок с камня был прислан им в Среднеазиатский отдел Государственного Русского географического общества и на заседании секции этнографии

и археологии от 20 января 1928 года был признан Н.Э. Вундцеттелем (знатоком санскрита и истории Древнего Востока – *авт.*) за изображение стоящей на задних лапах собаки Фо, высоко держащей над головой буддийский субурган. ... Копия схематического рисунка М. Тынышпаева в 1934 году была препровождена С.Е. Малову, который выразил сомнение в принадлежности начертанных знаков руническому алфавиту» [3, с. 11].

Рисунок 3 – Зарисовки М. Тынышпаева изображений и надписей на камне Келиншектаc (по: Массон, 1936)

На этом начальный этап изучения уникального памятника завершился. Величественный буддийский монумент, расположенный вдалеке от магистральных дорог Семиречья, у подножья заснеженных вершин Джунгарского Алатау, на полвека оказался забыт исследователями. Лишь в начале 1980-х гг. Келиншектаc был официально принят под государственную охрану и включен в список памятников истории и культуры местного значения под названием «Наскальное изображение “Будда”» с датировкой X–XII вв. В наше время монумент с той же некорректной атрибуцией числится в списке памятников местного значения бывшей Алматинской области [5], но поскольку граница охранной зоны точно не установлена, вблизи памятника проложена современная дорога, которая создает угрозу его сохранению и нарушает исторический облик окружающего культового сооружения ландшафта.

Камень Келиншектаc вновь привлек к себе внимание исследователей в наше время на фоне общего возрастания в казахстанском обществе интереса к отечественной истории и благодаря реализации ряда государственных программ по изучению и сохранению культурного наследия. Впервые предметом специального изучения стали недвижимые памятники ойратской культуры

XVII–XVIII вв., особенно многочисленные и яркие в восточном и юго-восточном регионах страны [6]. Ведущая роль в организации этих исследований принадлежала известному казахстанскому историку Ирине Викторовне Ерофеевой (1953–2020), под руководством которой изыскания приняли комплексный характер, в них участвовали археологи и геологи, историки, филологи-востоковеды и религиоведы из Казахстана и России. Большое значение в наши дни также приобрели квалифицированные работы по консервации памятников и подготовке их к включению в туристский оборот [7, с. 112–136].

В 2008–2009 гг. буддийский памятник Келиншектаc основательно обследован и изучен коллективом казахстанских специалистов под руководством И.В. Ерофеевой; полевые исследования и документирование памятника выполнены А.Е. Рогожинским. Современный перевод тибетских текстов на монументе выполнен филологом-монголоведом Н.С. Яхонтовой (Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург). Описание и интерпретация буддийской символики Келиншектаc подготовлены московским тибетологом В.Ю. Ермолиным по результатам натурального обследования памятника в 2012–2013 гг. Полученные новые данные и материалы позволили определить наиболее вероятное время сооружения памятника, установить его связь с другими объектами некогда существовавшего на берегах Каратала крупного центра тибетского буддизма, а также раскрыть содержание текстов и символических изображений на монументе [8].

Памятник представляет собой сложное сооружение: на каменной округлой платформе (диаметр 8 м, высота до 1,5 м), сложенной из крупных речных валунов, установлена глыба серого песчаника, на верхнюю и боковую (западную) грани которой нанесены надписи и изображения. К северу от платформы просматривается выложенная речным галечником наклонная площадка в виде пандуса.

Поверхность верхней грани монумента предварительно обрабатывалась, затем на ее поверхности барельефом и глубокой резьбой вырезаны надписи. В центре – символ Калачакры («Колеса времени») и несколько молитвенных надписей, написанных тибетским письмом *учен* (тиб. dbu can) и письмом *ланца* (тиб. lantsa). Справа и слева – еще два символа, написанные вертикальным письмом ланца. Символ Калачакры представляет собой сложную магическую монограмму, состоящую из десяти слогов, или «могучих букв»: семь слогов-символов (ham, ksan, ma, la, va, ra,

ya) и три дополнительных элемента – полумесяц (visagra), диск (anusvāra или bindu) и стилизованный язычок пламени с тремя изгибами (nāda или tilaka). Знак Калачакра передает различные аспекты буддийского тантрического учения о том, что все внешние явления и процессы взаимосвязаны с внутренними, т.е. с телом и психикой человека. Меня самого себя, человек тем самым воздействует и на окружающий мир. Калачакра описывает три уровня преобразования индивидуумом своей собственной природы и окружающего бытия: внешний, внутренний и иной, тайный, что соответствует символическому постижению вселенной, взаимоотношениям тела и ума и медитативной практике самосовершенствования и получения блаженства. Выше и ниже Калачакры находятся две горизонтальные строки тибетского текста. Верхняя строка содержит просьбу избавить от болезней и эпидемии. Нижняя представляет собой запись тибетскими буквами мантры на санскрите: om ta mo nīr ha tah gyun na pa sva ha.

На вертикальной плоскости монумента изображена ступа в виде пирамиды с фигурой сидящего внутри нее Будды Шакьямуни. Среди известных в тибетской традиции восьми видов изображений ступы она больше всего напоминает Ступу Просветления. Эту ступу снизу поддерживает стоящий на задних лапах снежный лев – один из главных символов тибетского буддизма (Рисунок 4). В иконографии буддизма распространены изображения восьми львов, поддерживающих трон Будды Шакьямуни по восьми сторонам света. В данном случае значение снежного льва заключается в поддержании Ступы Просветления. В целом, выбитые на стеле изображения и надписи создают композицию, состоящую из набора благоприятных символов. Возможно, сама ступенчатая форма каменной глыбы символизировала ступу (монг. субурган) с высеченными на ее поверхности тантрическими надписями и символическими буддийскими изображениями.

Рисунок 4 – Изображения на вертикальной грани Келиншектас. Копия А.Е. Рогожинского, 2008 г.

По мнению И.В. Ерофеевой, монумент Келиншектас («Текелийская стела»), наряду с Тамгалытас в Илийском Капшагае, является одним из самых ярких памятников тибетского буддизма, искусства и эпиграфики конца XVII в. среди уже известных в Казахстане и Кыргызстане [8, с. 175–180]. Однако этот монумент – не единственный памятник джунгарского периода в верховьях Каратала: во многих близлежащих пунктах здесь найдены выбитые на скалах тибетские и ойратские надписи, петроглифы, горные стоянки ойратов-кочевников и крупные поселения с остатками развитой ирригации и др. Более того, именно в этом районе во второй половине XVII в. был построен один из первых буддийских монастырей на территории Семиречья, который просуществовал не менее 80-90 лет. Предполагается, что инициатором строительства монастыря был влиятельный правитель ойратов-хошутов Очирту-Цэцен-хан (1638–1680) либо его политический соперник, а затем и правопреемник в Джунгарии – Галдан-Бошохту-хан (годы правления 1671–1697), получивший блестящее

образование на Тибете. Монастырь обозначен на карте джунгарских владений Й.-Г. Рената на правой стороне Каратала (Charatal), у подножия западного склона хребта, позже получившего название Джунгарский Алатау. Самые подробные сведения об этом монастыре оставил военный инженер-поручик П.С. Нечогин, случайно обнаруживший его остатки на горе Лаба (совр. Лабашоки) на берегу Каратала в 1850 г. Немного позже руины монастыря осматривали Ч.Ч. Валиханов, П.П. Семенов и Н.А. Абрамов, а затем их поиском безуспешно занимался Н.Н. Пантусов [9, с. 229-233; 10, с. 275–278], но до настоящего времени вновь отыскать памятник никому не удалось.

Кегенский арасан (минеральный источник). На востоке Алматинской области, недалеко от села Кеген, на правом берегу одноименной реки, притока Каркары, возле гор Актасты находится минеральный источник – арасан (монг. га̄ṣān, аḡṣān). Прозрачная вода арасана струится от подножья отвесной скалы, изливаясь в мутный поток реки Кеген (Рисунок 5).

Рисунок 5 – Кегенский арасан, общий вид. Фото А.Е. Рогожинского, 2008 г.

На выступях, нависающих над источником серых скал, висят выцветшие лоскутки ткани, бережно повязанные паломниками; между лентами на шероховатой поверхности процарапаны имена современных посетителей. Каменное ложе источника усеяно их бесхитростными приношениями – мелкими монетами, предметами дешевой бижутерии, пуговицами и другими пожертвованиями священному роднику; судя по ним, а также запечатленным на скале датам посещений, источник пробился здесь из-под скалы сравнительно недавно, лет тридцать тому назад или немного раньше. Но в двадцати метрах справа можно заметить вымытые в скале глубокие ниши, указывающие на прежнее место выхода родника, когда уровень питающих его

подземных вод был выше, чем сегодня. Здесь находится широкая скальная поверхность, покрытая черным «пустынным загаром», на которой выбито 9 старинных тибетских надписей и множество современных «автографов». Надписи содержат одно и то же молитвенное заклинание «ом-мани-пад-ме-хум»; все знаки одинаковой величины, выполнены сходным способом, будто одной рукой, как и знак в виде равнобедренного треугольника между нижними строками. Выше и ниже надписей крупно выбиты имена неких Петра и Алексея Левиных, датированные 1923 г. (Рисунок 6). По-видимому, родник функционировал на этом месте еще в первой четверти XX в., и скала с загадочными письменами привлекала разных посетителей.

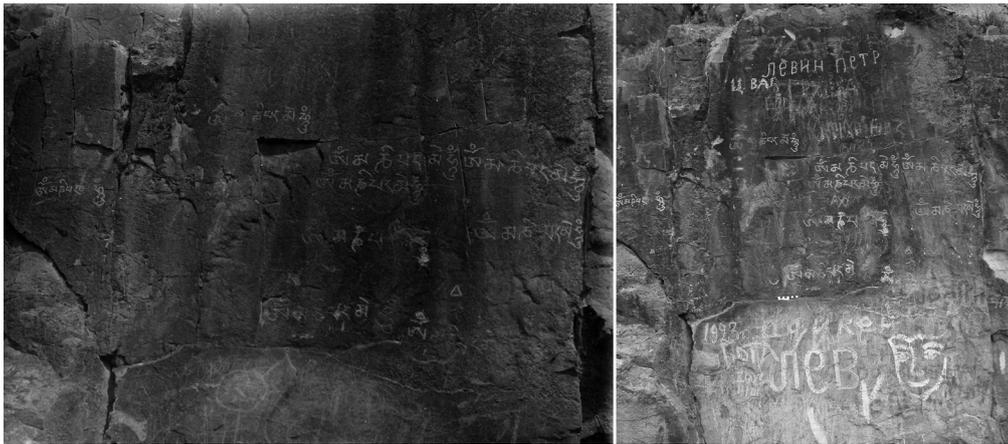

Рисунок 6 – Кегенский арасан, главное панно: слева – фото Н.Н. Пантусова, 1900 г.; справа – фото А.Е. Рогожинского, 2008 г.

Правее скального панно имеется еще 6 поверхностей с надписями, выполненными тибетским и ойратским письмом «тодо бичиг» («ясное письмо»). Некоторые из них сильно пострадали от времени, но в целом памятник хорошо сохранился и продолжает сегодня служить людям, почитаемым арасан как святое место.

Местное предание гласит [11], что у арасана есть хозяйка, Кереке-кісі, которая охраняет чистоту источника и является иногда паломникам в облике седой девяностолетней женщины, одетой в белые одежды и сопровождаемой всегда белым верблюжонком; говорят, она появляется у ручья на заре, совершает омовение и молится здесь до полудня. Люди приходят сюда для излечения телесных и душевных недугов, остаются на ночлег, совершают молитвы и омовения. Больной скот также специально приводят к арасану и поят в нижнем течении ручья, не подпуская к истоку (бастау), где стараются поддерживать чистоту.

В 1859 г. военный топограф капитан А.Ф. Голубев, направляясь по заданию Русского географического общества для геодезических исследований к восточному побережью Иссык-Куля, специально посетил Кегенский арасан и оставил первое его описание: «Из невысокой горы вытекает холодный ключ... Говорят, что этот ключ имеет целебное свойство, и калмыки ездят сюда лечиться; около ключа, на скалах, высечены надписи: вероятно, какое-нибудь изречение из буддийских священных книг. Киргизы всякий целебный, минеральный ключ, будет ли он горячий или холодный, как этот, называют Арасаном: это несколько испорченное монгольское слово» [12, с. 15]. Вслед за этим А.Ф. Голубев посетил на Текесе тогда еще действовавший калмыцкий

монастырь Сумбе, руины которого сохранились недалеко от с. Нарынкол [8].

Следующее описание арасана принадлежит Н.Н. Пантусову: «В мае 1900 г. я посетил проездом из города Верного в выселок Охотничий (или Нарынкол) местность, называемую киргизами (казахами – *авт.*) Арасан. ...Над водой на гладких местах скал выбиты надписи (тибетские и монгольские), которые все обращены на юг. С надписями найдено шесть камней. Надписи на пяти камнях доступны чтению, на шестом же камне ничего разобрать нельзя – все сбито. На первом камне повторяется тибетское тарни “Ом-ма-ни-бэт-ма-хум” девять раз. На втором камне повторяется три раза по-тибетски “Ом-ма-ни-бэт-ма-хум”, затем по-монгольски слова, которые в переводе значат: цзом-бусыр – дорога, бочочжи-бособэ – поднялся. Всего четыре монгольских слова. ...Окрестные кочевники относят происхождение этих надписей ко временам монгольского (т. е. джунгарского. – *авт.*) владычества; никаких преданий об этих камнях с надписями не имеется» [13, с. 133-135].

Более ста лет, минувших после написания этих строк, Кегенский арасан не привлекал внимания археологов, этнографов и языковедов; лишь в 2008 г. памятник вновь обследован экспедицией под руководством И.В. Ерофеевой и А.Е. Рогожинского [11]. Ознакомление с нынешним состоянием памятника, документирование и прочтение эпиграфических текстов современными специалистами, а также изучение не публиковавшихся ранее фотоснимков Н.Н. Пантусова помогают дополнить описание арасана некоторыми важными деталями и воссоздать историю этого достопримечательного места.

Так, на фотографии Н.Н. Пантусова на основном панно отчетливо видно (к сожалению, сегодня этот участок скалы сильно поврежден современными граффити и замазан краской) процарапанное ниже надписей крупное изображение тамгообразного знака в виде окружности с отходящими в разные стороны тремя длинными лучами. Тамга была нанесена на скалу явно позже надписей и принадлежит одному из родов племени албан казахов Старшего жуза – алжан (отделение аламан), представители которого населяют эту часть долины Кеген и в настоящее время [14, с. 117]. На другом снимке 1900 г. запечатлена плоскость с четырьмя вертикальными

строками текста «Написал учитель Зам» (прочтение Н.С. Яхонтовой отличается от версии Н.Н. Пантусова), выполненного ойратским «ясным письмом», и с тремя горизонтальными тибетскими надписями «ом-мани-пад-ме-хум», от которых сегодня сохранились лишь отдельные знаки нижней и верхней строки. Над верхней хорошо видна процарапанная надпись «Марковъ» – автограф еще одного посетителя Кегенского арасана конца XIX столетия, служащего пограничной стражи, пост которой располагался в выселке Охотничий (Нарынкол); ниже надписей можно заметить несколько схематичных изображений животных (Рисунок 7).

Рисунок 7 – Кегенский арасан. Фото Н.Н. Пантусова, 1900 г.

Всего на скалах Кегенского арасана насчитывается семь плоскостей с надписями; на трех из них тексты выполнены ойратским письмом, в остальных случаях – воспроизведенное 20 раз тибетское заклинание «ом-мани-пад-ме-хум». При этом дважды знаки тибетского письма нанесены поверх более ранних ойратских надписей. К сожалению, самый крупный текст «тодо бичиг», включающий 7 или 8 вертикальных строк, сильно поврежден сколами, в том числе образовавшимися при выбивании поверх них тибетской мантры. Очевидно, надписи и рисунки Кегенского арасана, зафиксированные на фото-

снимках и в описании Н.Н. Пантусова, создавались не одновременно, а в течение длительного периода. Датировка их не выходит за рамки XIX столетия, а более точно установить время появления буддийских текстов и казахской тамги на скалах Кегенского арасана позволяет анализ имеющихся исторических данных.

Тибетские и ойратские эпиграфические тексты составляют наиболее ранний пласт памятника и датируются в пределах последних десятилетий XVII – середины XVIII в. Создание их связано с локализацией в этот период на территории Илийского левобережья кочевой

ставки (урги) правителей Джунгарского ханства. Однако часть текстов могла появиться позже, вплоть до середины XIX в., как свидетельствует сообщение А.Ф. Голубева. После разгрома Джунгарского ханства в 1757 г. долины Кеген и Каркары были заняты кыргызскими племенами, делившими здесь летние пастбища с казаками Старшего жуза, которые расселялись в предгорных долинах левобережья Или; их восточными соседями в верховьях рек Кеген и Текес оставались кочевые ойратские племена, принявшие подданство Китая.

Во время антикитайского восстания в Кульдже зимой 1864 г. кыргызы богу и сарыбагиши вместе с казаками племени албан совершили набег и разграбили на Текесе монастырь Сумбе, разрушили кумирню и дома лам, а обитателей его истребили. В 1870-е годы албаны и кыргызские племена окончательно вытеснили калмыков с их кочевков в верховьях Каркары и Текеса, и поклонение ламаистов у скал Кегенского арасана прекратилось. После утверждения российско-китайской границы по Тянь-Шаню в 1882 г., в демаркации которой непосредственное участие принимал Н.Н. Пантусов, административно-территориальное устройство Семиреченской области претерпело изменения: земли по рекам Кеген, Каркара и Текес, занятые прежде кыргызами, полностью отошли к кочевьям албанов Айт-Аламановской волости Джаркентского

уезда. По-видимому, ко времени этого внутреннего размежевания и борьбы за лучшие кочевья между родами албанов, кыргызов и калмыками относится казахская тамга на скалах Кегенского арасана, запечатленная на фотоснимке Н.Н. Пантусова, т.е. между 1882 и 1900 гг. Освоившись на новых землях, казахи-албаны долины р. Кеген также оценили благодать целебного источника, сохранив в своих преданиях отголоски некоторых представлений о святости арасана прежних кочевых обитателей края.

Выводы. Для большинства сохранившихся в Казахстане памятников тибетского буддизма, содержащих религиозные надписи и изображения на камне, характерно отсутствие явных признаков вандализма или проявления этноконфессионального неприятия, которые можно было бы ожидать, учитывая более чем вековое вооруженное противостояние ойратов с казаками и кыргызами в XVII – середине XVIII в. Напротив, исторические и этнографические данные позволяют заключить, что многие культовые объекты эпохи джунгарского владычества, такие как Текелийская стела, минеральный источник Кегенский арасан и наскальные надписи с изображениями бодхисатв в Тамгалытас на р. Или, – все они со второй половины XVIII – XIX века органично вошли в сакральные ландшафты и традиционную культовую практику казахского народа.

Литература

- 1 Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892 год. СПб., 1894. С. 94–95, 168–169.
- 2 Каллаур В.А. Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде // ПТКЛА. Год 3, 1897–1898. Ташкент. 1898. С.122–128.
- 3 Массон М.Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкомстариса. Вып. 6-7. М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1936. С. 5–15.
- 4 Heikel H.J. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki: Société Finno-ougrienne, 1918. 146 p.
- 5 Список памятников, 2020. № 1480.
- 6 Ерофеева И.В. Памятники тибетского буддизма XVII – первой половины XVIII века в Казахстане: новые исследования и находки // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Сб. материалов научно-практической конференции. Алматы, 25-26 апреля 2008. Алматы, 2009. С. 27-47.
- 7 Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана. Опыт научной реставрации. Алматы: «Остров Крым», 2014. 360 с.
- 8 Ерофеева И.В. Памятники тибетского буддизма в Семиречье // История и археология Семиречья. Вып. 5. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, 2017. С. 174–189.
- 9 Археология Семиречья. 1857–1912 гг. Сб. док. И мат-лов / Сост. И.М. Самигулин. Алматы: «Издательство LEM», 2011. 664 с.
- 10 Абрамов Н.А. Река Каратал с ее окрестностями // Записки РГО по общей географии. Т. 1. СПб., 1867. С. 269–278.
- 11 Рогожинский А. Е. Кегенский арасан // От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана. Т.2. Алматы, 2011. С. 153–161.
- 12 Голубев А.Ф. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Заилийский край // Александр Федорович Голубев. Биографический очерк. Омск: тип. штаба Сиб. воен. Округа, 1900. 79 с.
- 13 Пантусов Н.Н. Кегенский арасан // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. 17. Казань, 1901. С. 133–135.
- 14 Рогожинский А.Е. «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научн. чтения памяти Н. Э. Масанова: сб. матер. междунар. научн. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 101–127.

References

- 1 Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1892 god. SPb., 1894. S. 94–95, 168–169
- 2 Kallaur V.A. Novaya arkheologicheskaya nakhodka v Auliyeatinskom uyezde // PTKLA. God 3, 1897–1898. Tashkent. 1898. S.122–128.
- 3 Masson M.Ye. K istorii otkrytiya drevneturetskikh runicheskikh nadpisey v Sredney Azii // Materialy Uzkomstarisa. Vyp. 6-7. M.-L.: izd-vo Akademii nauk SSSR, 1936. S. 5–15.
- 4 Heikel H.J. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki: Société Finno-ougrienne, 1918. 146 p.
- 5 Spisok pamyatnikov, 2020. № 1480.
- 6 Yerofeyeva I.V. Pamyatniki tibetskogo buddizma XVII – pervoy poloviny XVIII veka v Kazakhstane: novyye issledovaniya i nakhodki // Nauchnyye chteniya pamyati N.E. Masanova. Sb. materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii. Almaty, 25-26 aprelya 2008. Almaty, 2009. S. 27-47.
- 7 Altynbekov K. Vozrozhdeniyye sokrovishcha Kazakhstana. Opyt nauchnoy restavratsii. Almaty: «Ostrov Krym», 2014. 360 s.
- 8 Yerofeyeva I.V. Pamyatniki tibetskogo buddizma v Semirech'ye // Istoriya i arkheologiya Semirech'ya. Vyp. 5. Almaty: Institut arkheologii im. A. KH. Margulana MON RK, 2017. S. 174–189.
- 9 Arkheologiya Semirech'ya. 1857–1912 gg. Sb. dok. I mat-lov / Sost. I.M. Samigulin. Almaty: «Izdatel'stvo LEM», 2011. 664 s.
- 10 Abramov N.A. Reka Karatal s yeye okrestnostyami // Zapiski RGO po obshchey geografii. T. 1. SPb., 1867. S. 269–278.
- 11 Rogozhinskiy A. Ye. Kegenskiy arasan // Ot Altaya do Kaspiya. Atlas pamyatnikov i dostoprimechatel'nostey prirody, istorii i kul'tury Kazakhstana. T.2. Almaty, 2011. S. 153–161.
- 12 Golubev A.F. Otryvok iz puteshestviya v Srednyuyu Aziyu. Zailiyskiy kray // Aleksandr Fedorovich Golubev. Biograficheskii ocherk. Omsk: tip. shtaba Sib. voyen. Okruga, 1900. 79 s.
- 13 Pantusov N.N. Kegen'skiy arasan // Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri imperatorskom Kazanskom universitete. T. 17. Kazan', 1901. S. 133–135.
- 14 Rogozhinskiy A.Ye. «My, nizheprilozhivshiye istinnyye tamgi...» (opyt identifikatsii rodoplemennykh znakov kazakhov Starshego zhuza) // Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo naslediya Kazakhstana. Nauchn. chteniya pamyati N. E. Masanova: sb. mater. mezhdunar. nauchn. konf. Almaty: Print-S, 2010. S. 101–127.

Список сокращений

ПТКЛА – Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

<p>Хат-хабарларға арналған автор (бірінші автор) Рогожинский Алексей Евгеньевич, тарих ғылымдарының кандидаты, Ә. Х. Марғұлан атындағы археология институты, Алматы қ., Қазақстан e-mail: alexeyro@hotmail.com ORCID iD: https://orcid.org/0000-0001-6756-7691</p>	<p>Автор для корреспонденции (первый автор) Рогожинский Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан e-mail: alexeyro@hotmail.com ORCID iD: https://orcid.org/0000-0001-6756-7691</p>	<p>The Author for Correspondence (The First Author) Rogozhinskiy Aleksey Evgenievich, Candidate of historical Sciences, Institute of Archeology named after A.H. Margulan, Almaty, Kazakhstan e-mail: alexeyro@hotmail.com ORCID iD: https://orcid.org/0000-0001-6756-7691</p>
--	---	--